

Кто бы мог подумать, что Ань Чжикэ обо всём знал. Если он помнил, как добросердечно Ань Чанци когда-то относился к нему, то как мог не знать об издевательствах, последовавших позже? Неужели он, глава семьи, не понимал причин такой перемены?

Более того, когда он тогда выкарабкался из Декоративного пруда, посиневший от холода, дрожащий от страха, он не посмел вернуться в двор Ланьхун, боясь тревожить мать. Цепляясь за призрачную надежду, он пошёл к Ань Чжикэ. Но тот даже не выслушал его — лишь сурово отчитал и прогнал обратно в двор Ланьхун.

Тогда Ань Чанцин думал, что отец просто не любит его. И лишь теперь осознал: тот обо всём прекрасно знал. Он лишь не желал ссориться со своим братом Ань Чжишоу из-за какого-то незначительного сына от наложницы, а потому предпочёл сделать вид, будто ничего не замечает.

Когда ненависть достигает предела, в душе остаётся лишь опустошающая пустота. Глядя на мертвенно побледневшее лицо Ань Чжикэ, Ань Чанцин вдруг издал короткий, тихий смешок:

— Вы хотите, чтобы я отпустил его? А вот и нет! Если Ань Чанци умрёт, как, по-вашему, отреагируют второй дядя и вторая тётушка?

Его голос звучал едва слышно, словно шелест призрака. Сяо Чжигэ беспокойно сжал его руку и тихо, с глубокой тревогой, окликнул по имени.

— Что ты задумал? — Ань Чжикэ нахмурился, видя странное, жутковатое выражение его лица, и его тон поневоле смягчился. — Какая тебе польза от его смерти? Лучше сначала отведём твоего двоюродного брата к лекарю, а уж потом поступай с ним как знаешь.

Ань Чанцин холодно усмехнулся:

— Вы принимаете меня за трёхлетнего ребёнка, которого так легко провести?

С этими словами он выхватил кинжал и медленно шагнул к лишившемуся чувств Ань Чанци.

— Чанцин! — Сяо Чжигэ, разгадав его намерение, перехватил его руку.

Ань Чанцин повернул к нему голову. Его взгляд был абсолютно пустым и отрешённым, сам он казался оцепенелым. У Сяо Чжигэ сжалось сердце. Он нежно прикоснулся ладонью к его щеке и шепнул на ухо:

— Я рядом. Не пачкай свои руки.

Сместив ладонь ниже, Сяо Чжигэ крепко сжал его плечо, настойчиво забрал из его пальцев кинжал и отбросил его в траву. Затем, подняв копьё из воронёной стали, он подошёл к Ань Чанци.

— Князь! — невольно вырвалось у Ань Чжикэ, но жестокий, свирепый взгляд, брошенный на него Сяо Чжигэ, заставил его замереть на месте.

— Не беспокойтесь, канцлер, я сохраню ему жизнь, — мрачно усмехнулся Сяо Чжигэ, подобно асуре, явившемуся за долгами.

Взмахнув копьём, он у самого основания отсек Ань Чанци ногу.

Потерявший сознание Ань Чанци вновь очнулся от дикой, невыносимой боли. Схватившись за

пах, он издал истошный вопль, после чего завёл глаза и снова провалился в небытие. Пожухлая трава вокруг окропилась алой кровью.

Сяо Чжигэ опустил копьё и посмотрел на Ань Чжикэ, чьё лицо исказилось от ужаса и отвращения. В голосе князя звучала скрытая угроза:

— Жизнь я ему оставил, а всё остальное передаю в руки канцлеру Ань. Полагаю, канцлеру не захочется идти со мной к Его Величеству и объясняться?

Ань Чжикэ прекрасно понимал, что на этот раз Ань Чанци перешёл все границы и сам дал повод для расправы. К тому же, если разразится скандал о том, как старший двоюродный брат воцарился младшего, вековая репутация семьи Ань будет в прах разрушена. Ему оставалось лишь стиснуть зубы и покориться угрозе Сяо Чжигэ.

Взглянув на истекающего кровью Ань Чанци, он лишь поспешно сложил руки перед обоими в прощальном жесте и бросился за слугами, чтобы те унесли его.

Когда посторонних не осталось, Сяо Чжигэ с нежностью и состраданием коснулся щеки Ань Чанцина и вздохнул:

— Что же ты такой глупый? Если бы ты просто убил его, разве это не стало бы для него слишком лёгким избавлением? К тому же ты взял бы на себя чужую вину вместо Ань Чжикэ.

— Я научу тебя, как по-настоящему выместить гнев, — Сяо Чжигэ слегка коснулся покрасневшего уголка его глаза. — Обещаю, Ань Чанци не проживёт и трёх дней, а Ань Чжикэ отныне лишится покоя. Идёт?

Ань Чанцин поднял на него взгляд, его глаза постепенно наливались слезами. Но он упрямо сжал зубы, не желая издавать ни звука, и лишь широко раскрыл глаза, словно упрямо с кем-то соревнуясь.

Сяо Чжигэ вздохнул, прижал его лицо к своему плечу и стал ласково поглаживать его по спине сильной рукой:

— Хочешь плакать — плачь.

Ань Чанцин приоткрыл рот, судорожно глотая воздух. Слезы струились из его глаз непрерывным потоком, пропитывая ткань на плече Сяо Чжигэ. Князь неторопливо похлопывал его по спине — движения его были неловкими, но невероятно нежными.

Проплакав беззвучно в его объятиях долгое время, Ань Чанцин шмыгнув носом, немного отстранился и произнёс осипшим голосом:

— Спасибо.

Сяо Чжигэ слегка погладил его припухшие веки:

— Не говори мне «спасибо».

Издали слышались торопливые шаги. Сяо Чжигэ опустил взгляд на юношу, понимая, что тот не захочет показаться кому-либо в таком жалком виде, и спросил:

— Вернёмся?

Ань Чанцин качнул головой:

— Сначала навестим матушку, она будет волноваться.

Не обращая внимания на подросших людей, они ушли с другой стороны. Глаза Ань Чанцина всё ещё оставались опухшими и красными, поэтому он не стал сразу идти в двор Ланьхун, а повёл Сяо Чжигэ к отдалённой, малолюдной части Декоративного пруда.

Помолчав немного, он вдруг указал на флигель на противоположном берегу пруда:

— Именно туда Ань Чанци заманил меня обманом.

Взгляд Сяо Чжигэ потемнел, он крепче сжал его ладонь.

Рука Ань Чанцина была ледяной, а голос слегка дрожал, но он продолжал:

— Но и ему легко не досталось. Я проломил ему голову, и он потом больше полмесяца отлёживался.

Казалось, ему просто требовался слушатель. Ань Чанцин продолжил:

— Я никогда не мог понять: ведь я тоже его сын, почему же он так ненавидит именно меня? Раньше я думал, что всё дело в происхождении матушки, но теперь наконец понял...

Он безэмоционально подытожил:

— Он никогда не считал меня своим сыном.

Иначе какой отец остался бы равнодушным, спокойно наблюдая за тем, как его собственного сына оскверняет двоюродный брат?

Сяо Чжигэ нахмурился. Он не умел утешать людей. Поразмыслив, он смог лишь сказать:

— Когда я родился, явилось дурное знамение, и августейший родитель пытался утопить меня. Но я оказался живучим и не умер. Позже матушка, угрожая лишить себя жизни и со слезами моля о пощаде, сумела сохранить мне жизнь.

Хотя оба они были недостойны зваться отцами, но, если разобраться, император Аньцин казался ещё бóльшим ничтожеством.

Ань Чанцин удивлённо повернул голову. Увидев его серьёзное выражение лица, он ощутил, как мрачная тяжесть на душе внезапно рассеялась. И вправду: Сяо Чжигэ родился в императорской семье, рано лишился матери и не ведал отцовской любви. В двенадцать лет он добровольно отправился на границу, в армию. Сколько опасностей таят в себе рубежи поднебесной, сколько лишений ему пришлось пережить — ведомо лишь ему самому.

Просто Бэйчжань-ван негибает духом и никогда не делился своей болью с чужаками.

По сравнению с этим, собственные переживания казались не такими уж значительными. Ухватившись за рукав Сяо Чжигэ, Ань Чанцин вытер лицо и улыбнулся:

— Если он не считает меня сыном, то и я буду считать, что у меня нет такого отца. Он не стоит моих слёз.

— Угу, — Сяо Чжигэ провел большим пальцем по родинке-слезке под его глазом. — У тебя есть я.

Несгибаемый Бэйчжань-ван не умел говорить красивые слова, но эти три простых слова глубоким эхом отозвались в сердце Ань Чанцина. Он ошеломлённо смотрел на него, и в его голове промелькнула мысль: если бы в прошлой жизни он не боялся его так сильно и, терпя обиды, приходил к нему, этот мужчина наверняка так же стоял бы за его спиной в самые тяжёлые минуты.

Он подался вперёд и обнял его, чувствуя мерное биение мужского сердца, и едва слышно прошептал:

— Прости меня.

Сяо Чжигэ решил, что юноше всё ещё больно, и ласково похлопал его по спине.

— Пойдем, я познакомлю тебя с матушкой? — Ань Чанцин потёрся о его грудь и поднял голову.

Сяо Чжигэ опустил взгляд. У юноши в его руках уголки глаз всё ещё хранили красноватый след недавних слёз, но на губах уже играла улыбка. Голос его звучал мягко, с лёгкой хрипотцой, а взгляд был полон доверия и теплоты.

— Хорошо, — сердце Сяо Чжигэ растаяло, и выражение его лица невольно смягчилось.

Ань Чанцин привёл в порядок свой вид, глядя в гладь пруда, и, убедившись, что следов слёз не видно, повёл Сяо Чжигэ в двор Ланьхун.

Двор Ланьхун был небольшим, изначально с изящным теремом. Однако из-за отстранённого расположения и отсутствия ухода за эти годы он совсем обветшал.

Сяо Чжигэ нахмурился ещё до того, как переступил порог. Ань Чанцин же давно привык к этому запустению. Едва шагнув во двор, он звонко и радостно позвал:

— Матушка!

Ань Сяньюй, вышивавшая во дворе вместе с кормилицей, первой увидела его и поспешила навстречу, но, заметив подле него Сяо Чжигэ, в страхе замерла. Она растерянно посмотрела на Ань Чанцина, не зная, как ей следует обратиться к гостю.

Ань Чанцин заметил её испуг и понимал, что эту пугливость не исправить за один миг. Не ставя её в неловкое положение, он мягко спросил:

— Где матушка? Я привёл князя навестить её.

<http://bllate.org/book/18381/1767593>